

Веселые истории про Петрова и Васечкина

Автор:

[Владимир Алеников](#)

Веселые истории про Петрова и Васечкина

Владимир Михайлович Алеников

Приключения Петрова и Васечкина #3

Предлагаем вашему вниманию книгу Владимира Аленикова «Веселые истории про Петрова и Васечкина». Ну кто же не знает этих двух закадычных друзей! Предлагаем вашему вниманию, дорогие читатели, лучшие рассказы об этих удивительных приключениях! Некоторые истории вам уже известны по знаменитым фильмам, но большинство из них явятся для вас замечательным сюрпризом!

Владимир Алеников

Веселые истории про Петрова и Васечкина

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2013

Весёлые истории о Петрове, Васечкине и их друзьях

Нормальное кино

Петров и Васечкин стояли на улице. Васечкин что-то с жаром рассказывал.

«Ну а дальше?» – спросил Петров, не отрывая от Васечкина горящего взгляда. «А дальше, – восторженно рассказывал Васечкин, – они, значит, дерутся, он ему – РАЗ! а потом ещё – БЗДЫНЬ! ну тот – ХЛОПС и копыта откинул».

«Круто! – сказал Петров, сглотнув слюну. – Ну?»

«Баранки гну! – сказал Васечкин. – А мамаша его в это время вот такой стакан выдула, ей жутко выпить хотелось, ну и лежит себе без памяти. А этот, которого он ухайдокал, ему говорит...»

«Погоди, – прервал его правдивый Петров, – как это он ему говорит, если он уже копыта откинул?»

«Да нет, он ещё не совсем откинул. Лежит, доходит. Ну и говорит ему. Ты, говорит, уже не жилец».

«Это почему?»

«Почему, почему? Потому что раненый был. Ну он как это услышал, побежал к отчиму, РАЗ! – ему в брюхо с ходу. Ну тот всё, лежит».

«Копыта откинул?»

«Ну да. А этот вышел на воздух, сел и готов».

«Тоже копыта откинул?»

«Ага!»

«В порядке кинцо!» – сказал завистливо Петров.

«Нормально! – сказал Васечкин. – Ну ладно, я потопал. Будь здоров!» И он ушёл.

«Покеда!» – сказал ему вслед Петров и поспешил к кинотеатру.

У входа висела большая афиша: «Гамлет».

Вот из май нэйм?

Петров и Васечкин прогуливались по станции юных техников. Долговязый мальчик в очках по фамилии Горошко, обрадовавшись посетителям, с удовольствием демонстрировал им экспонаты.

– А теперь пройдёмте вот к тому экспонату, – значительно произнёс он, подводя Петрова с Васечкиным к громоздкой железной конструкции, отдалённо напоминающей человека. – Это наша последняя работа, – с гордостью произнёс Горошко. – Робот серии С-187/ 315-вч бис. Собран на деньги, вырученные от сбора металлолома. Мы его зовём просто – Холмс.

– Ух ты! – восхитился Петров. – А почему Холмс?

– А чего он может-то, ваш робот? – поинтересовался Васечкин.

– Холмс в совершенстве владеет дедуктивным методом, – гордо объявил Горошко. – Будет незаменим в криминальной практике.

– В смысле? – не понял Петров.

– В том смысле, что он может всё про тебя рассказать! – несколько раздражённо ответил Горошко.

– Прямо всё? – прищурился Васечкин. – Ну, пусть расскажет. Про меня, например. Давай, – обратился он прямо к роботу, – рассказывай. Ну, кто я такой?!

Робот молчал, невозмутимо подмигивая разноцветными лампочками.

– Так просто он не скажет, – несколько обидчиво произнёс Горошко. – Надо пятак бросить!

– Как в метро, что ли? – обрадовался Васечкин. – Ну даёте. Ладно. Давай, Петров, гони пятак. Сейчас мы этого Холмса проверим.

Петров безропотно достал пятак. Васечкин выхватил его у него и сунул в монетоприемник, около которого красовалась надпись: «Гнутых монет не бросать!»

Лампочки на роботе радостно замигали, внутри него что-то загудело.

– Давай, теперь спрашивай! – шепнул Горошко.

– Кто я такой? – спросил Васечкин, вдруг несколько оробев.

Робот ещё немножко погудел, а затем ответил бесстрастным металлическим голосом:

– Ты – Петя Васечкин. Тебе 12 лет. Учишься в шестом классе. Двоечник. Прогульщик. Обманщик. Грязнуля...

– Ну ладно, хватит! – несколько раздражённо прервал его Васечкин. По всему было видно, что он обиделся. – Хватит. Угадал! Вот что, – повернулся Васечкин к Петрову, – сейчас я этого умника сделаю.

– В смысле? – снова не понял Петров.

– В смысле обману! – пояснил Васечкин. – Спорим? На три желания?

– Ну спорим, – согласился Петров, хотя видно было, что спорить он совсем не хотел.

– О'кей! Давай руку! Разбей! – попросил Васечкин у Горошко.

Горошко разбил, заметив при этом:

– С разбивалы не берут!

– Стойте здесь! – распорядился Васечкин. – Я сейчас!

И тут же куда-то исчез. Горошко и Петров озадаченно переглянулись. Петров тяжело вздохнул.

Тем временем откуда ни возьмись появился седобородый старичок на костылях и, ковыляя, подошёл к роботу.

– Вам чего, дедушка? – поинтересовался Горошко.

– Я знаю чего, – проскрипел дедушка и, повернувшись к Петрову, прошамкал: – Дай пятак!

Поражённый Петров тут же выдал требуемое. Старичок бросил пятак в монетоприемник и спросил:

– Ну, кто я такой?

Робот снова загудел и тем же бесстрастным голосом заговорил:

– Ты – Петя Васечкин. Тебе 12 лет. Учишься в шестом классе. Двоечник.

– Ладно, стоп, стоп! Хватит! – заорал Васечкин, выпрямляясь, отрывая бороду и отбрасывая костыли. – Ну ладно! Ещё не вечер! Ты у меня попрыгаешь, умник! Ты стой здесь! – объявил он глубоко потрясённому Петрову и снова исчез.

Петров долго глядел ему вслед, затем наконец с трудом перевёл дыхание и взглянул на Горошко.

Тот был не менее потрясён и без слов развёл руками.

Тут откуда ни возьмись появился шикарный лощёный негр в белом костюме. Небрежно поигрывая тросточкой, он подошёл к роботу и на ломаном русском языке обратился к Петрову:

– Малшик, дай пятак!

Петров уже держал пятак в руке. Негр бросил его в монетоприемник и на плохом английском языке спросил: «Вот из май нэйм?»

Робот, погудев, невозмутимо ответил:

– Ты – Петя Васечкин. Тебе 12 лет. Учишься в шестом классе. Двоечник.

– Ну, это уже слишком! – на отличном русском языке произнёс негр, вытирая белым рукавом чёрную ваксу на лице – Нет, я всё-таки тебя сделаю! – проревел он. – Ждите! – загадочно сказал он Петрову и тут же исчез.

– Во даёт! – выдохнул ему вслед Горошко.

– Этот может! – подтвердил Петров.

Откуда ни возьмись появилась девочка с двумя косичками. Она прыгала через скакалку, напевая под нос: «Я не Петя Васечкин, я не Петя Васечкин!..»

– Мальчик, дай пяточок, я тебя поцелую! – обратилась она к Петрову.

– Ага! – сказал Петров, судорожно роясь в карманах. – У меня нету! – озадаченно сказал он.

– Ну и дурак! – заключила девочка и быстро сунула в монетоприемник какую-то шайбу.

Робот тревожно загудел, судорожно замигал лампочками.

– Кто я такая? – ласково спросила девочка. – Ну, говори! А?

Робот гудел всё сильнее, аж весь затрясся.

Наконец он глухо проскрежетал:

– Да, ты не Петя Васечкин!..

– Ну, что я сказал! – обрадовалась девочка, срывая с себя парик. – Что, съел?!?!

– ТЫ козёл!!! – произнёс робот, выплёвывая обратно засунутую в него шайбу. – Пока ты тут выпендривался, кино твоё уже кончилось!

Шайба впечаталась прямо в лоб поражённому Пете Васечкину.

Классиков надо беречь!

- Петька! - кричали ребята со двора. - В футбол идёшь играть?

- Иду! - крикнул в ответ Васечкин и помчался к двери, ухитряясь обуться на бегу.

- Петя, Петя, - взывала к нему бабушка, собиравшаяся идти в магазин, - а пол за тебя кто, Пушкин будет мыть?!

- Ага, Пушкин! - весело отвечал Васечкин, натягивая перед зеркалом кепку и вратарские перчатки.

- А посуда? - продолжала бабушка. - Ты же посуду не вымыл!

- Посуду Гоголь помоеет, - сострил Васечкин, открывая дверь, - Николай Васильевич.

И помчался вниз по лестнице. Бабушка в отчаянии высунулась в окно.

- Ты же пропылесосить обещал! - выкрикнула она.

- Лев Толстой пропылесосит! - донеслось до неё. - Граф!!

- Господи ты боже мой, никакого сладу с ним нет! - сокрушалась бабушка. - Что ты будешь делать!

Она взяла сумку и ушла в магазин.

Васечкин стоял в воротах, ловко прыгая за мячом. Но вот мяч перехватил какой-то сердитый мужчина.

- Хватит, наигрался! - сказал он центральному нападающему. - Опять двойку принёс. Марш домой!

И все уныло разошлись.

Васечкин вприпрыжку взбежал по лестнице, открыл дверь и... обомлел.

Пушкин выжимал половую тряпку в ведро. Затем он снял сюртук, который ему мешал, и... ПРОДОЛЖАЛ МЫТЬ ПОЛ.

– Я помню чудное мгновенье, – бормотал он, – передо мной явилась ты...

Из кухни показался вытиравший тарелку Гоголь.

– Давно хотел Вас поблагодарить, Александр Сергеевич, за подсказанные Вами идеи «Ревизора» и «Мёртвых душ», – говорил он, – отменная, доложу Вам, вышла вещица.

– Да ну что Вы, Николай Васильевич, – смутился Пушкин, – не стоит благодарности.

И снова стал выжимать тряпку в ведро.

Дверь из васечкинской комнаты открылась, и оттуда показался Лев Толстой. Он был босой и, шлёпая босиком по свежевыванному полу, сосредоточенно работал пылесосом.

– Всё смешалось в доме твоём, Петруша! – ласково и в то же время укоризненно сказал он вконец остолбеневшему Петьке.

Тот опомнился.

– Лев Николаевич, – залепетал он, – Николай Васильевич, Александр Сергеевич!!!
Не нужно, я сам. Прошу вас, пожалуйста, товарищи классики, я сам. САМ!

– Ой ли? – недоверчиво поглядел на Васечкина Толстой, продолжая тем временем работать пылесосом.

– Честное пионерское! – взволнованно шептал Васечкин. – Всё сам буду делать, всё!

– Ну что, господа, поверим отроку? – спросил Толстой, поворачиваясь к Александру Сергеевичу и Николаю Васильевичу...

Бабушка поднималась по лестнице. Она открыла дверь и... замерла. Всё в квартире блестело. Нигде ни пылинки. Всё на местах. Неожиданно бабушка насторожилась. Из ванной доносился странный шум.

Бабушка открыла дверь в ванную и... вынуждена была прислониться к дверному косяку, чтобы не упасть от удивления: Васечкин стирал бельё.

– Ты что, Петенька? – забеспокоилась бабушка. – Не заболел ли, чай?

– Здоров! – отвечал Васечкин, вытирая со лба мыльную пену и продолжая яростно работать. – Нам учительница говорила – к классикам нужно очень бережно относиться!

Автограф

У выхода из Дворца спорта стояла толпа. Ждали выхода знаменитого спортсмена.

- Идёт, - зашептали в толпе. - Вот он!

Знаменитый хоккеист появился в дверях. Толпа бросилась на него, подминая друг друга. В основном это были мальчишки лет десяти - четырнадцати. Они протягивали знаменитости фотографии или просто бумагу для автографа. Знаменитость подписала штук десять, потом бросилась сквозь толпу, села в ожидавшую её машину и укатила.

Петров стоял и смотрел на толпу. Из толпы вынырнул Васечкин. Вид у него был растерзанный, но довольный. В руке он держал дневник.

- И зачем тебе понадобился его автограф? - накинулся на него Петров. - Вон сколько времени потеряли. Да ещё пуговицу тебе оторвали!

- Балда! - ухмыльнулся в ответ Васечкин. - Это же мой отец. Я, когда двойку получу, всегда у него так дневник подписываю!

Тимуровцы

В класс влетел Васечкин.

- Мужики! - с порога заорал он. - Я нашёл для нашего звена тимуровскую работу!

Его обступили.

– Есть старушка, – продолжал он, – первый сорт! Ей надо в магазин сходить да комнату убрать.

– Ура! – закричало звено. – Теперь мы выйдем на первое место!

– За мной! – крикнул Васечкин, убегая.

Звено бросилось за ним.

Вскоре они были уже у дома старушки.

– Стойте, – сказал Васечкин, – отдышаться надо!

И вдруг увидел старушку.

– Вот она! – закричал он. – Держи её!

Ребята подбежали к старушке. Сначала у неё забрали авоську, потом подхватили её самое и, несмотря на сопротивление, перенесли через улицу. Дальше не знали, что с ней делать, и стали ждать Васечкина. Васечкин подбежал.

– Бросьте вы её! – заорал он, подбежав. – Это не та старушка. Обознался я. Да бросьте, вам говорят!

Старушку бросили.

– Куда вы? – взывала она. – Мне ведь совсем в другую сторону надо было! Тимуровцы!

Но тимуровское звено уже умчалось.

Кто у кого

- Я из-за тебя двойку получил, - сказал Васечкин Петрову. - И зачем только я с тебя списывал?!

- У меня тоже двойка, - сказал грустно Петров. - Я сам списывал.

- С кого? - удивился Васечкин.

- С Горошко, - сказал Петька.

- Нашёл, с кого списывать! - возмутился Васечкин и пошёл искать Горошко.

- Горошко, ты с кого списывал? - спросил он его. - Я ведь знаю, что ты никогда сам не решаешь.

- А я и не скрываю, - сказал Горошко. - Я с Кубышкиной списывал.

Васечкин пошёл к Кубышкиной.

- Кубышкина! - строго спросил он. - Ты сама контрольную решала?

- Не-а, - застенчиво заулыбалась Кубышкина. - Я у Люды Яблочкиной списала.

Васечкина разыскал Яблочкину.

- Яблочкина! - сказал он устало. - Признавайся, контрольную сама решала?

- Ты что! - возмутилась Яблочкина. - Я с Вовы Сидорова списывала.

Васечкин нашёл Сидорова.

- Сидоров, - из последних сил сказал он. - Говори честно, контрольную сам решал?

- Ты что, Васечкин, обалдел? - расвирепел Сидоров. - Я ведь с тебя списывал. И, между прочим, двойку из-за тебя получил!

Визит к больному

Вова Сидоров болел. Он лежал и скучал. Раздался звонок в дверь. Пришли Васечкин и Петров. Соседка привела их в комнату. Сидоров очень обрадовался, увидев их.

- Здорово, мужики! - завопил он с кровати.

- Здравствуй, Сидоров! - сказал Васечкин.

- Вот навестить пришли, - сказал Петров. - Как дела-то?

- Температура нормальная? - спросил Васечкин. - Везёт же некоторым!

- Я очень рад, ребята, что вы пришли, - сказал Сидоров. - Да вы садитесь.

- Да нет, - сказал Петров, - мы уж скоро пойдём.

- Мы в школу опоздали, - сказал Васечкин, - вот и решили - навестим тебя и скажем в школе, что мы тебя навещали. Нас тогда никто и ругать не будет за

опоздание.

- Даже похвалят, - сказал Петров.

- А... - сказал Сидоров, - понятно.

- Ну ладно, - сказал Васечкин, - нам пора. А то и на второй урок опоздаем, да, Петров?

- Ага, - сказал Петров. - Пошли. Будь здоров.

- Пока, - сказал Васечкин. - Не кашляй.

- До свидания, - сказал Сидоров. - Приходите ещё.

- Ладно, - пообещал Васечкин, - когда в следующий раз опоздаем, тогда придём. Ну, пока!

И они ушли.

- Я буду ждать вас, ребята, - грустно вздохнул Сидоров, глядя на опустевшую вазу.

Это мой папа

В телефонную кабину зашёл Васечкин. Он поставил портфель на пол и решительно набрал номер.

- Феликс Александрович? - сказал он явно изменённым голосом, - Петя Васечкин сегодня в школу не придёт. Он заболел.

– Чем?

– У него грипп. Вирусный. Да, температура высокая. Пожалуйста.

– Кто говорит?

– Как кто? Васечкин говорит. Владимир Эдуардович... Кто такой Владимир Эдуардович? Как кто такой? Это мой папа! – в сердцах произнёс он, потом с ужасом посмотрел на трубку и медленно повесил её на рычаг.

Затем Васечкин повернул голову направо, где висела огромная реклама кинотеатра, а потом налево, где его ждал Петров.

Тот вопросительно посмотрел на друга и с удивлением увидел сквозь стекло будки, как Васечкин с убитым лицом безнадежно качает головой.

Джентльмены

Прозвенел звонок на урок. 3-й «Б», сокрушая всё на своём пути, ворвался в класс и расселся. Девочки, которым не хватило мест, стояли сзади.

Вошла учительница Алла Ивановна. Все встали, потом сели. Девочки по-прежнему стояли.

Алла Ивановна не выдержала.

– Неужели же в вашем классе нет ни одного джентльмена? – спросила она.

– Что вы, Алла Иванна! – ответил ей с места удивлённый Васечкин. – Джентльменов у нас навалом, а вот стульев не хватает!

Объяснение

- Аллё, аллё! Старцева, это ты?

- Я.

- Это я, Васечкин. Ты мою записку прочла?

- Прочла.

- Ну и как?

- Нормально.

- Ну, а вообще-то, ты как ко всему этому относишься?

- К чему?

- Как к чему? Ну, ко мне, например?

- Нормально.

- А-а... Я к тебе тоже хорошо отношусь. Слышишь, Старцева? Аллё! Аллё!

- Чего ты орёшь?

- Да, плохо слышно чего-то. Телефон барахлит. Я говорю, я к тебе тоже хорошо отношусь.

- Я слышу.

- А на Яблочкину я плевать хотел. Слышишь, Старцева?

- Слышу.

- Плохо слышно чего-то. Старцева!

- А?

- А ты со мной... пойдёшь?.. А?

- Куда это?

- Ну... это... на край света, в общем. А? Старцева! Ты чего молчишь?

- Пойду.

- Ну да? Правда?

- Правда. А чего тут такого.

- Ну, ничего, конечно. Но ты молоток, Старцева!

- Чего?

- Я говорю, ты, говорю, молоток!

- А-а.

- Да-а. Ты чего молчишь? А? Старцева!

- А когда пойдём?

- На край света, что ли?

- Ну да.

- Да хоть сейчас. Я тут с угла звоню. Выходи, и пойдём. Пойдёшь?

- Пойду.

- Ну, пока, Старцева. Спускайся, давай.

- Аллё! Аллё!

- Чего?

- Только я в пять часов обязательно дома должна быть. У меня музыка.

- А-а.

- Ну пока.

- Аллё, аллё! Старцева! Уже повесила. Что ж делать-то? До пяти ведь никак не успеть. Вечно у этих отличниц то музыка, то английский. Мало нам, что ли, в школе задают?!

Воздушное путешествие

В воздухе, чуть покачиваясь, висел привязанный к торчащей из земли рельсе воздушный шар с гондолой. Шар был готов к отлёту.

Петров по-хозяйски хлопотал вокруг, – заканчивал последние приготовления. Появился Васечкин с литровой банкой варенья в руках.

– В дорожку! – довольно усмехнулся он, похлопывая по банке и подмигивая Петрову.

Петрову, однако, это не понравилось.

– Ты что? – возмутился он. – В какую ещё дорожку?! Лишний груз мне не нужен. Всё рассчитано!

– А что же мне делать? – растерялся Васечкин, уныло разглядывая варенье в банке. – Клубничное всё-таки.

– Делай что хочешь, – отрезал Петров. – С нами оно не полетит.

Васечкин поплёлся прочь. Завернув за угол, он остановился и, убедившись, что Петров не видит его, открыл банку и... содержимое её стало быстро перекочёвывать в васечкинский желудок.

Тем временем Петров уже проявлял нетерпение. Но вот появился Васечкин, тяжело перевалился в гондолу, за ним туда же залез Петров и отвязал шар.

И шар со странным звуком рвущейся материи взмыл в воздух.

Но – странно! – корзина была пуста.

На земле, на оторвавшемся от неё дне, стояли Васечкин и Петров. Задрав головы вверх, они следили за удалявшимся воздушным шаром.

Петров перевёл взгляд на Васечкина, на его раздувшееся пузо.

Васечкин по-прежнему уныло следил за шаром.

Воздушный шар поднимался всё выше и выше, исчезая в голубом небе.

Как Васечкин Гошу навещал

Гоше было четыре года, а его брату Пете Васечкину – десять. Гоша ходил в детский сад, а Васечкин – в школу, в третий класс. Гоша неожиданно заболел желтухой, и его положили в больницу, в изолятор. Васечкин пришёл его навестить.

– Тебе кого, мальчик? – спросила его медсестра.

– Тут у вас братан мой лежит, – сурово ответил Васечкин. – Георгий.

– А... Гошенька! – догадалась сестра и заулыбалась. – Ну, проходи, проходи. Только Гошенька у нас в инфекционном лежит, туда нельзя. Так что можешь на него вон в то окошечко полюбоваться.

Васечкин прошёл по коридору и действительно обнаружил окошко, за которым увидел брата. Гоша лежал на кровати и явно скучал.

Васечкин постучал по стеклу. Гоша повернулся, узнал его и обрадованно замахал рукой.

Васечкин молча разглядывал желтушного братца. Вид его ему не понравился, и он решил Гошу развеселить. Он прижался к стеклу всем лицом и скорчил рожу. Гоша засмеялся. Васечкин ещё сильнее притиснулся к стеклу, своротил нос и выпятил губы. Гоша снова засмеялся.

Вдохновенный Васечкин сунул пальцы в рот и скорчил страшную физиономию. Гоша улыбнулся, но как-то слабо. Васечкин тем временем состроил новую ужасную гримасу. Гоша смотрел на него во все глаза. Неутомимый Васечкин постарался придать лицу самое жуткое выражение. Роба получилась невероятная. Губы Гоши скривились. Страшным усилием Васечкин изобразил что-то сверхъестественное. Гоша заревел.

Твёрдо решив во что бы то ни стало развеселить брата, Васечкин изобретательно скалил зубы, скашивал глаза – Гоша ревел всё пуще.

Прибежавшая медсестра в ужасе смотрела на Васечкина, который, войдя в раж, прыгал перед окном, изгаляясь в самых невероятных гримасах. Наконец она решилась окликнуть его:

– Мальчик, можно тебя на минуточку?

Голос у медсестры был ласковый, но, остановленный в момент самого невероятного прыжка, Васечкин нахмурился.

– Тут с тобой поговорить хотят, – продолжала медсестра. – Не бойся, всё будет хорошо, главное, не волнуйся.

Ласково приговаривая, медсестра провела недоумевающего Васечкина по коридору, впихнула в какую-то дверь и тотчас же захлопнула её, привалясь к ней спиной. Только после этого она облегчённо перевела дух. На двери было написано: «ПСИХИАТР».

Выиграл

4-й «Б» толпился вокруг Васечкина и в напряжённой тишине следил за тем, как он поглощает килограммовый кремный торт. Горошко держал в вытянутой руке

часы. Они громко тикали. Кусок за куском исчезал в горле Васечкина.

- Во даёт! - восхищённо произнёс маленький Вова Сидоров.

Васечкин доел последний кусок и победно оглядел одноклассников.

- Ура! - завопили те. - Качай Васечкина!

Множество рук подхватили Васечкина и подбросили его в воздух.

И тут прозвенел звонок на урок.

Васечкин тяжело плюхнулся на пол.

К нему подскочил Петров.

- На! - не без сожаления сказал он Васечкину, протягивая перочинный нож. - Пользуйся, раз выиграл. - И пошёл в класс.

- Везёт тебе, Васечкин! - сказала Маша Старцева. - И торт съел, и ножик выиграл. Счастливчик! - И тоже пошла в класс.

Коридор стремительно пустел.

Васечкин попытался оторваться от пола, но у него ничего из этого не получилось.

- Сейчас из ушей ползет! - с мучительным выражением лица тоскливо думал Васечкин.

В руке он сжимал злополучный нож и громко и безудержно икал:

- Ик! Ик! Ик! Ик!

Нашли выходы

Петров и Васечкин делали уроки. Петров долго пыхтел над тетрадкой, а потом вдруг захлопнул её и стал слезать со стула.

Васечкин подозрительно следил за ним.

– Что, уже? – не без ехидства спросил он и, не дожидаясь ответа, протянул руку: – Дай-ка я посмотрю.

Петров, уныло отводя глаза, протянул тетрадку.

На странице, рядом с переписанным условием задачи, там, где должно следовать решение, большими корявыми буквами было написано «НЕМОГУ!».

– Во даёшь! – восхитился Васечкин. – Ещё и глагол с частицей «не» слитно пишешь! Вот это да, высокий класс!

– А сам-то, сам-то! – запыхтел униженный и оскорблённый Петров. – Ты ещё сам уроки не сделал!

– Да? – насмешливо спросил Васечкин и, не дожидаясь ответной реакции Петрова, с пафосом произнёс: – Слушай!

Театральным жестом раскрыв тетрадку, он начал читать:

– «Мой летний отдых. Домашнее сочинение. Летом я отдыхал у бабушки. Она живёт на Днепре. Что можно сказать о Днепре? Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Редкая птица долетит до середины Днепра...» Ну, как? – гордо спросил он, прервав чтение.

– Ну, ты даёшь! – выдохнул неподдельно восхищённый другом Петров. – Неужели ты это всё сам?

– Кое-что ещё можем, – скромно вздохнул Васечкин. – Есть ещё порох в пороховницах.

Вильгельм Телль

Папа Петров, вдохновенно жестикулируя и упиваясь собственным голосом, читал сыну пьесу Шиллера «Вильгельм Телль».

– Слушай внимательно, Вася! – предупредил он. – Сейчас самый драматический момент.

– Я слушаю, слушаю! – отозвался Петров-младший.

«РЕССЕЛЬМАН. А мальчик жив!

ГОЛОСА. Телль в яблоко попал!

ВАЛЬТЕР ТЕЛЛЬ (подбегая с яблоком).

Вот яблоко, отец...

Ведь я сказал: ты сына

Своего не можешь ранить!

ШТАУФФАХЕР. Хвала тебе, Господь!

ЛЕЙТХОЛЬД. Вот это выстрел!

О нём вовек преданья не умолкнут.

РУДОЛЬФ ГАРРАС. Рассказывать про выстрел

Телля будут,

Пока стоят твердыни этих гор.

(Подаёт Ландхольду яблоко.)

ГЕСЛЕР. Он в сердцевину яблока попал!

Да, выстрел меткий, надобно признаться».

Петров-сын напряжённо слушал Петрова-папу. Каждый раз, когда упоминалось слово «яблоко», он просто впивался взглядом в чтеца, и тот, чувствуя вопросительный взгляд, вкладывал в чтение всю душу.

«ШТАУФФАХЕР. Опомнитесь и встаньте, Телль.

Свободу

Вы мужеством добыли.

Дома ждут вас».

Папа захлопнул книжку и торжественно взглянул на сына. Петров-младший, не мигая, смотрел прямо перед собой. Папа решил его ободрить.

– Ну, что ты, Вася, – участливо сказал он, – успокойся. Видишь, всё ведь хорошо кончилось. Вильгельм Телль попал не в сына, а в яблоко, которое было у него на голове...

– И что с ним стало? – волнуясь, перебил его Петров.

– Как что? – удивился отец. – Я же прочёл – его отпускают на свободу.

– Да не с Теллем! – рассердился Петров. – Яблоко кто съел, я спрашиваю?!

Петюня, держи себя в руках

В саду на скамейке сидели отдыхающие люди и поневоле наблюдали, как какой-то паренёк лет десяти возился с малышом в коляске. Собственно, паренёк не возился, а только энергично качал коляску, в которой вовсю ревел малыш.

– Спокойно, Петюня! – сдержанно говорил паренёк. – Держи себя в руках! Не выходи из себя!

Малыш ревел всё пуще.

– Хладнокровней, Петюня! – говорил паренёк. – Главное – это спокойствие!

Соседи на скамейке с восхищением наблюдали за юным воспитателем. Наконец одна женщина не выдержала.

– Молодец, мальчик! – сказала она. – Поздравляю! Ты правильно разговариваешь с младенцами – спокойно и ласково. Это гораздо лучше, чем кричать на них. Умница!

Она склонилась над коляской и ласково засюсюкала:

– Гули, гули, гули! Что ж ты так расхныкался, Петюня?

– Какой он вам Петюня?! – вдруг возмутился паренёк. – Это я – Петюня! А он – брат мой, Григорий, то есть Гошенька. Гули, гули!

И, провожаемый взглядами потрясённых соседей, Васечкин гордо удалился.

Он яростно качал перед собой коляску с разбушевавшимся младенцем и тихо, но упорно приговаривал: «Спокойно, Петюня! Главное – держать себя в руках!»

Реванш

То ли в классики они играли, то ли в пинг-понг, то ли ещё во что-то – не в этом дело, но факт в том, что Люда Яблочкина проиграла, а Маша Старцева выиграла, и вот этого-то Люда пережить не могла. Может быть, она успела бы отыграться, но Маша торопилась домой, и Люде ничего другого не оставалось, как до дна испытать горечь поражения.

Уныло она брела по улице и сама не заметила, как ноги вынесли её к Машиному дому, подняли на третий этаж и поставили перед Машиной дверью.

Рука сама потянулась к звонку.

Дверь отворилась. На лестницу хлынули весёлые голоса, смех, музыка. Перед Людой стояла в нарядном платье Маша.

– Давай доиграем, а? – угрюмо спросила Яблочкина.

– Ты что! – ахнула Маша. – Я сейчас не могу. Гости у нас.

Дверь захлопнулась.

Яблочкина тупо стояла перед дверью.

Потом начала спускаться по лестнице.

Поздно вечером в квартиру Старцевых опять позвонили.

- Машу можно? - всё так же угрюмо попросила Люда.

Вскоре появилась Маша в ночной рубашке и вытаращила глаза:

- Тебе чего?

- Может, сыграем, а?

- Ты что! - поразилась Маша. - Я уже спать легла!

И опять захлопнулась дверь.

И опять в той же тупиковой задумчивости стояла перед ней Люда. Глаза её уныло шарили по лестничной площадке.

Вдруг она увидела кусок отвалившейся штукатурки. Лицо её приняло осмысленное выражение.

В следующую секунду Яблочкина схватила этот кусок и крупными буквами вывела по свежевыкрашенной стене: «Машка - дура!!!»

Потом она вытерла взмокший от напряжения лоб и со счастливой, облегчённой улыбкой направилась домой.

Босой горький

В 4-м «Б» шёл урок литературы. Сан Саныч рассказывал о детстве Максима Горького. Детство было, конечно, трудное, но класс почему-то внимал тяготам великого пролетарского писателя довольно рассеянно.

Лишь Люда Яблочкина явно сопереживала рассказу. Она то страдальчески морщила лоб, то кусала губы, и это повышенное внимание, надо сказать, приятно волновало учителя. Он уже и рассказывал, собственно, только для неё, глядя вдохновенно в её голубые глаза, на которых чуть ли не наворачивались слёзы, на её взмокший от чрезмерного напряжения лобик.

Наконец рассказ был закончен. Алёша Пешков стал Максимом Горьким.

Люда Яблочкина с облегчением вздохнула и вытерла мокрый лоб.

Сан Саныч улыбнулся. В ответ ему просияла понимающей улыбкой Яблочкина.

Дело в том, что конец рассказа счастливо совпал с концом её истинных мучений – ей всё-таки удалось влезть в новенькие туфли, в которых она собиралась пощеголять на перемене.

И оттого, что мечта её практически уже сбылась и старые туфли валялись под партой, она и улыбалась так радостно.

– Скажи-ка нам, Яблочкина! – обратился к ней Сан Саныч. – Как ты считаешь, какие минуты были самыми счастливыми в детстве Горького?

Люда Яблочкина встала. Улыбка медленно сползла с её лица. Новенькие туфли страшно жали.

Лицо её страдальчески искривилось.

– Ну, что же ты, Яблочкина? – удивлённый её молчанием и видом спросил участливо Сан Саныч.

– Счастливых минут в детстве Горького было немного, – тяжело произнесла Люда, пытаясь устоять на злосчастных туфлях.

Сан Саныч радостно покивал такому началу.

– Это были те минуты, – изнемогая, мужественно продолжала Люда (проклятые туфли словно жгли её ноги!), – когда Горький ходил босой! – на последнем дыхании закончила она и рухнула на парту.

Родительское собрание

В 1-м «А» шло родительское собрание. Молоденькая Марь Иванна, классная руководительница, только что окончившая педучилище, взволнованно говорила:

– В общем, классом я довольна. Дети очень хорошие. Но просто некоторые не очень пока аккуратные. Вот, например, Валя Ланских. Мало того что она ходит в школу в не очень, извините, целых джинсах...

– Не она, а он! – раздался вдруг голос с задней парты, принадлежавший длинноволосому созданию в очках, свитере и джинсах.

– Простите, – озаботилась Марь Иванна. – Не поняла.

- Не она, а он, - повторило создание.

- Валя Ланских - это он? - растерялась учительница. - Надо же...

- Он! - создание невозмутимо смотрело сквозь дымчатые очки.

- Извините, - заторопилась Марь Иванна, до конца осознав случившееся. - Год только начался, и я ещё не очень хорошо знаю детей... Но у неё такие длинные волосы...

- У него! - возмутилось создание.

- Да, да, конечно, у него. И почему это я решила, что Валя - это она. - Марь Иванна хихикнула, но её никто не поддержал.

Она смолкла, затем решительно набрала в грудь воздуху:

- Если разрешите, я продолжу. Так вот, дело в том, что Валя не очень аккуратный (последний слог она произнесла с усилием), и вы, наверное, вполне могли бы, как старшая сестра...

- Я - не сестра! - окончательно вышло из себя создание.

- А кто же? - оторопела бедная Марь Иванна.

- Я - брат! - создание встало из-за парты. - Вам понятно?

- Понятно, - пролепетала учительница, в ужасе оглядывая класс, и, собравшись с духом, попросила: - Мужчины, встаньте.

«Злоумышленник»

Инна Андреевна, классный руководитель 4-го «Б», решительной походкой вошла в школьный двор и намётанным взглядом сразу увидела сидящих в тенистом углу двора за небольшим, вкопанным в землю столиком доминошников. Обнаружив среди них знакомые лица своих учеников, Инна Андреевна, не сбавляя темпа, направилась к ним.

– Вот что, Васечкин, – твёрдо сказала она, приблизившись, – перестань играть и отвечай на мои вопросы. Седьмого числа железнодорожный сторож, проходя по линии, застал тебя за отвинчиванием гайки. Вот она, эта гайка!

Инна Андреевна для пущей убедительности извлекла из кармана и продемонстрировала собравшимся внушительных размеров гайку.

– Так ли это было? – строго спросила она.

– Чего? – удивился Васечкин, лихо забивая «козла».

– Ты это своё «чего» брось! – рассердилась Инна Андреевна. – И отвечай на вопрос. Зачем ты отвинчивал гайку?

– Была бы не нужна, не отвинчивал бы, – невозмутимо заметил Васечкин, не отрываясь при этом от игры.

– Для чего же тебе понадобилась гайка? – взмолилась Инна Андреевна, неожиданно почувствовавшая, что весь её пыл куда-то улетучился.

– Мы их сдаём, – сжалился Васечкин и смачно шлёпнул очередную костяшку об стол.

– Куда сдаёте? – поразилась Инна Андреевна.

- Знамо куда, в металлолом, - усмехнулся Васечкин.

- Но для металлолома ты мог бы взять кастрюлю какую-нибудь ржавую, корыто, да гвоздик, наконец! - воскликнула потрясённая услышанным руководительница.

- Корыто на дороге не валяется, - терпеливо объяснил ей Васечкин, по-прежнему не отвлекаясь от игры. - А гвоздик... что, гвоздик? Тьфу! Лучше гайки не найти. Тяжёлая, и дыра есть! - резонно заключил он.

- Неужели ты, Васечкин, не понимаешь, к чему ведёт это отвинчивание? - всё больше уставая от этого разговора, спросила Инна Андреевна. - Отчего, по-твоему, происходит крушение поездов?

- Уж сколько лет всем классом отвинчиваем - и хоть бы что! - возмутился Васечкин, наконец отрываясь от домино. - А тут крушение, скажете тоже!

- Говорят, у тебя есть ещё одна гайка! - всё ещё не сдавалась учительница. - Эту ты в каком месте отвинтил и когда?

- Эту не я отвинтил, эту мне Петров дал, - доверительно сообщил Васечкин, кивая на просиявшего при этом Петрова. - А если вы вот про эту, - при этих словах Васечкин извлёк из кармана здоровенную ржавую гайку, - то эту мы вместе с Митрофановым вывинтили из 4-го «А». Они по металлолому здорово отстали. Им этих гаек много требуется, штук сорок, не меньше!

- Ты что, Васечкин? - прошептала ошеломлённая Инна Андреевна. - Завтра приведёшь в школу родителей! - сказала она, беря себя в руки.

- Чего? - в свою очередь поразился Васечкин.

- Родителей, говорю, приведёшь! - твёрдо повторила Инна Андреевна.

- За что это? - возмутился Васечкин. - Было бы за что, привёл бы. А то так, за здорово живёшь. И не курил, кажись, и не дрался! А если вы насчёт успеваемости сомневаетесь, то не верьте старосте. Нас два друга, вон Петров Василий и я, стало быть, Пётр Васечкин!..

– Хватит, хватит, Васечкин! – неожиданно тонким голосом закричала Инна Андреевна. – Ты... ты... ты... – Так и не найдя нужных слов, она безнадёжно махнула рукой, повернулась и пошла прочь.

Петров поглядел ей вслед, пожал плечами и покосился на друга.

– Мой выигрыш! – довольно сказал Васечкин и что было сил вlepил костяшку домино в деревянную поверхность стола.

В мире прекрасного

Была зима. Петров и Васечкин прогуливали контрольную по математике. Они шли по аллее красивого заснеженного парка вдоль прекрасных античных статуй.

– Слышь, Петь, это кто такой? – неожиданно поинтересовался Петров, останавливаясь около статуи могучего с курчавой бородой.

– Это? – переспросил Васечкин, никогда не признающийся в том, что он чего-то не знает.

– Это Геракл, – быстро прочёл он имя на постаменте. – Древнегреческий богатырь, – пояснил он другу.

– Ну, морда! – восхитился Петров, разглядывая Геракла.

– А это ещё кто такая? – удивился он, подходя к статуе, стоящей на другой стороне аллеи.

– А это мы сейчас поглядим, – солидно ответил Васечкин, в свою очередь приблизившись к мраморному изваянию.

– Ага! – удовлетворённо сказал он. – Это Афродита – богиня любви и красоты.

– Во, морда! – почему-то обрадовался Петров.

– Ща я ей зафинидилю! – пообещал Васечкин, нагибаясь и сгребая снег, чтобы сделать хороший снежок. – В глаз!

Он размахнулся и залепил Афродите в правый глаз.

– Класс! – восхитился Петров. – Ну-ка я попробую!

И он залепил Афродите в левый глаз.

– Ща я ей в нос вмажу! – разгорячился Васечкин.

– А я в лоб! – не уступал Петров.

Друзья побросали портфели и открыли по Афродите настоящий ураганный огонь.

Геракл, неподвижно стоящий напротив богини красоты в течение последних трехсот лет, неожиданно вздрогнул. Его мраморное сердце не смогло перенести подобного поведения по отношению к прекрасной даме.

Геракл ожил, с некоторым скрежетом нагнулся, слепил огромный, диаметром в полметра, снежный ком, размахнулся и запустил его в увлечённых своим занятием друзей.

После чего с чувством исполненного долга выпрямился и опять замер в прежней позе ещё на последующие триста лет.

– Это кто здесь хулиганит? – возмущённо спросил Васечкин, выбираясь из сугроба, в который его опрокинул меткий бросок греческого героя.

– А?! – грозно спросил вылезший вслед за ним Петров, выплёвывая изо рта снег.

Но вокруг никого не было.

Только неподвижный Геракл безмолвно взирал на обоих друзей. И казалось, лёгкая усмешка прячется в уголке его твёрдо очерченных мраморных губ.

Пролетая над родной школой

В 3-м «Б» шёл урок литературы.

– «Кабы я была царица, – читала пушкинские строки Алла Иванна, – говорит её сестрица, то на весь бы мир одна наткала бы полотна».

Люда Яблочкина посмотрела на свою давнишнюю соперницу Машу Старцеву. Её очень интересовало, что бы сделала Маша, будучи царицей. Та, однако, никак не прореагировала на яблочкинский взгляд. Раскрыв рот, она внимала великой поэзии.

– «Кабы я была царица, – продолжала Алла Иванна, – третья молвила сестрица, я б для батюшки царя родила богатыря».

На этот раз Маша Старцева почему-то очень гордо окинула взглядом Люду Яблочкину. Было впечатление, что именно этого она и ожидала от третьей

сестрицы.

- «Только вымолвить успела, дверь тихонько заскрипела...»

Не успела Алла Иванна произнести эти строки, как дверь действительно заскрипела, и в класс бочком просунулся Васечкин.

- «...и в светлицу входит царь», - иронически закончила Алла Иванна.

Класс засмеялся.

- Ах, Васечкин, Васечкин! - вздохнула учительница. - Ты опять опоздал!

- Я не виноват, - деловито объяснил Васечкин. - Меня бабушка не разбудила.

Класс покотился со смеху.

- Проходи, садись быстрее, Васечкин! - сказала Алла Иванна с некоторым раздражением.

Васечкин поплёлся на место. Как Люда Яблочкина, так и Маша Старцева проводили его скептическими взглядами. Впрочем, Васечкин не обратил на это ни малейшего внимания.

- Здорово, Петров! - сказал он, садясь за парту рядом с другом.

- Здорово! - сказал Петров.

- Ах, Васечкин, Васечкин! - снова вздохнула Алла Иванна. - Что из тебя получится? Я всё время думаю... что из тебя выйдет? Кем ты вырастешь?

Васечкин бойко вскочил с места.

– Я, Алла Ванна, когда вырасту, космонавтом стану! – громко отрапортовал он.

Класс грохнул от смеха.

Васечкин огляделся. Смеялись все: и Маша Старцева, и Люда Яблочкина, и Вова Сидоров, и Горошко, и даже его друг Петров.

Васечкину стало обидно.

Он представил себе, как в костюме летчика-космонавта он, задыхаясь, торопится, бежит к ракете по космодрому. Однако ракета неожиданно взлетает, оставив на земле Васечкина и небольшую толпу провожающих.

– Товарищ председатель государственной комиссии, – обращается Васечкин к самому главному генералу. – Я не виноват. Меня бабушка не разбудила.

Генерал поворачивает голову и строго смотрит на Васечкина. Генерал почему-то очень похож на учительницу литературы Аллу Иванну.

– Мы не могли вас ждать, Васечкин, – говорит генерал Алла Иванна. – Вместо вас полетел товарищ Петров.

А Петров, сидя в это время в улетающей ракете, гордо ухмыляется. Он щёлкает каким-то рычажком на пульте управления и объявляет в микрофон:

– Пролетая над родной школой, передаю горячий привет своему соседу по парте!

Голос Петрова, усиленный мощными динамиками, разносится по всему космодрому.

- Привет, Васечкин! Пиши! – провозглашает он.

Васечкин, задрав голову, тщетно смотрит ввысь, пытаясь разглядеть удаляющуюся ракету. Но только ехидный петровский смех доносится из заоблачных высот.

- О чём ты только думаешь, Васечкин? – раздался голос Аллы Ивановны где-то совсем рядом.

Васечкин вздрогнул и перевёл взгляд с улыбающегося Петрова на расстроенную учительницу.

- Ни о чём, – сказал он. – Можно сесть, Алла Ивановна?

- Садись, – вздохнула Алла Ивановна.

Васечкин сел.

- Такой ты, значит, друг? – сказал он Петрову. – Да?

- Ты что, Васечкин? – удивился Петров. – Ты чего, обиделся, что ли? Просто смешно было, вот и всё.

- Ладно, ладно, – сказал Васечкин. – Мы ещё посмотрим, кто пролетит над родной школой!

И он покосился на Машу Старцеву.

Мыслитель

Петров и Васечкин сидели на заборе. Делать им было особо нечего. Они глазели по сторонам и лузгали семечки. При этом старались выплюнуть шелуху как можно дальше.

Это интересное занятие захватило обоих настолько, что они даже не разговаривали между собой.

Так прошло примерно полчаса.

- Всё, - неожиданно объявил Васечкин. - Я выиграл.

- Как же так, - удивился Петров, - я же дальше плюнул?

- Зато я метче, - возразил Васечкин, - я вон в тот камень попал.

- Но ведь мы про тот камень не договаривались! - возмутился честный Петров. - Это не по правилам. Если ты такой, так я вообще уйду.

- Ладно, - сдался Васечкин. - Я не выиграл.

- А кто же выиграл? - подозрительно уточнил Петров.

- Никто не выиграл! - заявил Васечкин. - Победила дружба! Ясно?

- Ясно, - буркнул Петров.

Оба помолчали.

Васечкинское решение не совсем устраивало Петрова, но он решил не обострять ситуацию.

Что же касается самого Васечкина, то ему почему-то было обидно. Неожиданно какая-то идея блеснула в его глазах.

– Слушай, Петров, – сказал он невинным голосом. – А ты не знаешь, почему умные люди, когда думают, чешут лоб, а глупые затылок?

Петров напрягся. Он смутно чувствовал подвох, но не понимал, в чём именно он заключается.

– Надо подумать! – наконец осторожно произнёс он и почесал затылок.

Васечкин просиял.

Он был полностью удовлетворён ответом.

Страшная история

– Выходи, Горбатый! – крикнул капитан Жеглов. – Я сказал, Горбатый!

Банда «Чёрная кошка» была поймана. Фильм кончился. В комнате вспыхнул свет.

– Я бы смогла полюбить капитана Жеглова, – задумчиво сказала Яблочкина.

Васечкин вздохнул.

- Потому что его все боялись, - объяснила Яблочкина.

- Подумаешь, если я захочу, меня тоже все будут бояться, - сказал Васечкин.

- Тебя? - ехидно усмехнулась Яблочкина и скрылась за дверью с надписью: «Спальня для девочек».

- А вот увидишь! - крикнул ей вслед Васечкин.

В лагере все спали. Большая круглая луна бесшумно плыла по небу.

Васечкин тихо встал, надел на голову маску аквалангиста, на ноги натянул перчатки, руки сунул в ласты и, шевеля ими, прокрался к спящему Вове Сидорову.

Луна спряталась за тучу.

- Сидоров! - страшным шёпотом позвал Васечкин.

Сидоров открыл глаза и непонимающе уставился на Васечкина.

- Не помешал? - басом спросил Васечкин.

- Отстань, Васечкин, - вздохнул Сидоров и повернулся на другой бок.

Васечкин поправил маску и пощекотал пятку Петрову. Тот дрыгнул ногой и поглубже залез под одеяло.

- Петров, открой глаза, - зашептал ему на ухо Васечкин.

Петров изогнулся и с головой нырнул под подушку, категорически отказываясь просыпаться.

Васечкин безнадежно махнул ластой и подошёл к кровати Горошко.

– Горошко! – густым басом задышал ему в ухо Васечкин. – Немедленно встаньте, Горошко!

Горошко открыл один глаз.

– Встану – в лоб дам! – серьёзно пообещал он.

Васечкин вздохнул и вышел в коридор. Луна следом за ним обошла дом и теперь светила в большое коридорное окно.

Васечкин крался по стене к спальне девочек. Вдруг он замер на месте от ужаса. Прямо на него из другого конца коридора смотрело какое-то жуткое страшилище. У монстра были омерзительная свиньячья морда, длинные щупальцы на ногах и лапы моржа вместо рук.

Васечкин попятился, но не удержался и упал. Объятый страхом, он тотчас же вскочил и сломя голову бросился по коридору, загребая ластами воздух. Один такой гребок зацепил портьеру, которая с грохотом полетела с окна и накрыла обалдевшего Васечкина с головой.

Двери обеих спален распахнулись. Мальчишки и девчонки посыпались в коридор, поднимая страшную суматоху.

Никто ничего не понимал.

Яблочкина, выбежав последней, стояла позади всех и зябко куталась в простыню.

Упавшая портьера вдруг зашевелилась и позвала:

– Яблочкина!

– А-а-а! – закричала Яблочкина и, как испуганное приведение, бросилась вон из дома.

Васечкин выбрался из-под портьеры и помчался за нею.

Он кричал:

– Стой! Стой!

Но не тут-то было.

Яблочкина во всю мочь летела по тёмной аллее.

Васечкин бросился ей наперерез.

– Стой, Яблочкина! – взмолился он, вырастая перед ней из-за кустов.

Яблочкина оцепенела.

Васечкин миролюбиво, успокаивающе поднял руки с лапами. Его лицо в лунном свете блестело как один стеклянный глаз.

Яблочкина задрожала.

– А-а-а! – закричала она и что было сил припустила вперёд.

Васечкин остался один и сразу же вспомнил про чудовище. Где оно?

Вдруг послышался нарастающий топот. Вне себя от ужаса Васечкин прыгнул в кусты и, продравшись сквозь них, уткнулся в пьедестал без скульптуры.

Решение пришло мгновенно. Васечкин вскарабкался на пьедестал и замер, притворяясь изваянием. От страха он зажмурился и открыл глаза, лишь когда топот промчался и стих.

Васечкин облегчённо перевёл дух, глянул вниз и, едва не заорав, чуть было не свалился с пьедестала.

Прямо на него укоризненно смотрело большое белое лицо поверженного наземь гипсового дискобола.

Васечкину стало очень не по себе. Не решаясь спрыгнуть на землю, он беспомощно оглянулся.

– Ты чего там делаешь, Васечкин? – заставил его вздрогнуть голос Маши Старцевой, которая с интересом рассматривала его снизу. – Ты зачем туда залез?

Васечкин не ответил.

– Тебе что, Васечкин, страшно? – догадалась Маша.

Васечкин кивнул.

– Мне тоже страшно, – призналась Маша. – Все как с ума посходили, кричат, бегут. Я и тебя испугалась. Что это, думаю, за чудище стоит?

– Правда? – спросил Васечкин. – Я и хотел всех напугать.

– Зачем же людей пугать, – сказала Маша. – Это нехорошо. Себе же хуже будет. – И протянула Васечкину руку. – Ну, ладно, слезай, Васечкин, не бойся.

Васечкин снял ласты и спрыгнул вниз.

Держась за руки, они тихо пошли по тёмной аллее. А по лагерю то там, то тут ещё долго слышались топот и вопли носившихся друг за другом мальчишек и

девчонок.

Стрижка

- Следующий! - провозгласил парикмахер, поворачиваясь к двери. - Прошу!

В дверях появилось длинноволосое создание лет тринадцати в потёртых джинсах и свитере.

- Женский зал у нас напротив! - любезно сказал парикмахер.

- Вижу! - рявкнуло создание. - Не слепой!

- Извините, - растерялся парикмахер. - Не признал. Прошу вас.

- Гусев моя фамилия! - миролюбиво объявил юнец. - А кликуха моя Гусь.

И он продемонстрировал парикмахеру внушительный кулак, на сжатых пальцах которого и вправду виднелась татуировка - «ГУСЬ».

- Понятно, - кивнул парикмахер. - Я о вас слышал. У меня стригутся Петров и Васечкин, они мне о вас рассказывали. Да вы, Гусь, садитесь, не волнуйтесь. Всё будет в лучшем виде.

- А я и не волнуюсь, - заявил Гусь. - А про Петрова и Васечкина вспоминать не надо! Они у меня ещё получают своё!

Он уселся в кресло и обеими руками разгрёб волосы на лице, обнаружив унылую веснушчатую физиономию.

Парикмахер обмотал его простынёй.

– Как будем стричь? – спросил он, пощёлкивая ножницами.

– Что за вопрос, отец?! – возмутился Гусь. – Как обычно! Точно так же как в прошлом году!

И он гордо потрянул своими патлами.

У парикмахера вытянулось лицо.

Деревенские страдания

Петров отдыхал у бабушки в деревне. Было ему тогда лет шесть. И вот как-то он и соседская девчонка Танька, которой только исполнилось пять, лежали под высоким раскидистым деревом в этакой рассеянной задумчивости.

Собственно, они не просто лежали, а одновременно как бы и работали – пасли домашний скот. Рядом с Петровым мирно щипала травку корова Милка, а неподалёку от Таньки паслась коза Лушка. Грело солнышко. Петров в некоторой прострации жевал травинку. Танька, что-то мурлыкая, плела веноч.

Прокричал петух. Вдалеке зазвучала балалайка.

- Вась, а Вась! – повернулась к Петрову Танька.

- Ну! – отозвался Петров.

- А ты когда-нибудь женишься?

Петров задумался.

- А чё, – наконец ответил он. – Может. И женюсь.

- А ты бы на какой девочке женился? – с интересом спросила Танька.

Петров снова задумчиво пожевал травинку.

Танька терпеливо ждала.

- Я бы на той женился, – после долгой паузы сказал Петров, – у которой бы было голубенькое платьице.

- Ага, – удовлетворённо кивнула Танька, оглядев свой голубой сарафан.

- И у которой волосики бы были светленькие!

- Ага, – снова хмыкнула белобрысая Танька.

- И которая бы мне сказала: «Дорогой, бедный Васенька!» – заключил Петров.

- ДОРОГОЙ, БЕДНЫЙ ВАСЕНЬКА?! – Танька от возмущения даже вскочила.

- Угу! – мечтательно протянул Петров. – Понимаешь, я, к примеру, устал или там расстроился, ну или ещё что-нибудь такое. А она ко мне подходит, целует меня

вот сюда, – он ткнул пальцем в щёку, – и говорит: «Дорогой, бедный Васенька!»

– Забудь об этом! – металлическим голосом сказала Танька. – ЭТОГО ты не дождёшься! Вот ЭТОГО никогда не будет! Понял? НИКОГДА! Пойдём, Лушка!

И разгневанная Танька удалилась, гоня перед собой козу.

Петров уныло смотрел ей вслед.

Корова Милка, щипавшая травку, подняла голову и тоже посмотрела вслед удалявшейся Таньке.

– Так-то, – упавшим голосом сказал Милке Петров. – Никто мне никогда не скажет: «Дорогой, бедный Васенька!»

И он глубоко вздохнул.

Корова Милка перевела свои большие грустные коровьи глаза с удалявшейся Таньки на лежащего Петрова. Что-то дрогнуло в её коровьей душе. Она подошла к Петрову, лизнула его в щёку и низким грудным голосом промычала:

– Дорогой, бедный Васенька!..

Комментарий Маши Старцевой

Петров всю жизнь, с самого детства, был... в общем, сами видите какой! И вообще, я в эту историю не верю. Коровы говорить не могут.

Комментарий Васечкина

А я верю! Петров никогда не врёт! Мало ли чего может быть! А Танька эта – дура!

Прогадал

Васечкин с Петровым шли по улице и ели мороженое. Они остановились около газетного стенда.

Блуждающий взгляд Петрова уткнулся в газету.

Неожиданно глаза его загорелись.

– Смотри-ка, Васечкин, – восторженно сказал Петров. – Вот и про меня наконец напечатали! А то всё везде ты да ты! Ну надо же, а?!

– Иди ты! – завистливо поразился Васечкин. – Почему это про тебя? А про меня? Где покажи! Дай поглядеть-то!

– Да не толкайся ты! Сам прочту! – осадил его Петров. – Вот, слушай! «За истёкший квартал автобусы нашего города перевезли 1 678 523 пассажира». Ну как? – торжествующе спросил он, покосившись на друга.

– Что «ну как»? – недоумённо переспросил Васечкин. – А где же здесь про тебя?

– Ну и балда же ты, Васечкин! – усмехнулся Петров. И снисходительно объяснил: – Я же в истёкшем квартале тоже ездил на автобусе. Значит, это и про меня написано. Понял?

– Ага! – кивнул Васечкин. – Только это не просто про тебя. Это и про меня тоже! Я ведь тоже ездил на автобусе. В истёкшем квартале! Вот так-то!

И Васечкин довольно ухмыльнулся.

Петров задумался.

Что-то во всём этом было неправильное.

– А вот и нет! – наконец осенило его. – Про тебя здесь нету!

– Как это нету? – возмутился Васечкин. – Про тебя, значит, есть, а про меня нету. Это почему это?

– А потому, – пояснил Петров, – что ты всё время без билета ездил. А пассажиров считали по оторванным билетам. А раз ты билета не отрывал, то никто тебя и не сосчитал. Поэтому здесь про тебя и не сказано. Понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/alenikov_vladimir/veselye-istorii-pro-petrova-i-vasechkina

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)